

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
30 (93)

А. В. Пайкова
ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ
В ПАМЯТНИКАХ
СИРИЙСКОЙ
АГИОГРАФИИ

ЛЕНИНГРАД
„НАУКА”
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Очередной выпуск „Палестинского сборника” публикует работу А.В. Пайковой (1932–1984 гг.) „Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии”, которая посвящена исследованию сирийских агиографических сочинений в литературоведческом, историко-культурном и источниковедческом аспектах. Здесь показано, что ряд популярных в средневековом мире житий был впервые написан на сирийском, а не на греческом языке. Исследование позволяет по-новому оценить сирийскую агиографию как самобытное художественное явление и важный источник по истории культуры христианских народов.

Издание рассчитано на филологов и историков, специалистов по культуре средневековых обществ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.Т. Ахрамович, И.М. Дьяконов, Р.В. Клековский,
Е.Н. Мешерская (ответственный секретарь),
чл.-кор. АН СССР А.П. Новосельцев (ответственный редактор),
О.Г. Пересыпкин, акад. Б.Б. Пиотровский, Г.К. Широков, К.Н. Юзбашян

Редактор выпуска Е.Н. Мешерская

Рецензенты: А.Г. Лундин и Е.К. Пиотровская

П 0504000000-603 КБ-28-1-89
042(02)-89

А.В. Пайкова, 1989 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Публикуемая посмертно монография Азы Владимировны Пайковой (1932–1984) „Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии” содержит всесторонний анализ нескольких выдающихся памятников сирийской житийной литературы и перевод их на русский язык. Следуя классической методике, автор тщательно препарирует повествовательную ткань сочинения, определяет его стилистические особенности, место в истории сирийской литературы, выясняет, является ли памятник переводным или оригинальным. Строгая детерминированность житийного жанра не исключает реакции средневекового автора на непосредственные впечатления, отсюда множество деталей, которые агиограф подметил в жизни. Но обычным филологическим разбором эти детали не осмыслить, для этого требуется привлечение и других средств. И выгодное отличие данного труда от многих (хороших!) работ по житийной литературе заключается в том, что А.В. Пайкова везде, где только это возможно, стремится найти черты, которые выходят за обычные рамки канона. Житие начинает играть новыми красками, благодаря этому и исследование читается с неослабным интересом. Литературное произведение становится памятником культуры и жизни в целом. Если добавить, что работа изложена хорошим языком, автор увлечен изучаемыми ею сочинениями и передает свое чувство и читателю, становится очевидно, что в науку входит действительно прекрасное исследование.

Книга А.В. Пайковой была обсуждена, и автор успел внести отдельные изменения. Но процесс редподготовки проходил уже без участия А.В. Пайковой, так что окончательная „доводка” пришлась на долю Е.Н. Мещерской. Зная о замысле А.В. Пайковой, Е.Н. Мещерская смогла обеспечить законченность публикуемой редакции, так что в данном случае у редколлегии нет необходимости снабжать предисловие обычными в таких случаях оговорками. Этими строчками можно было бы ограничиться, но долг памяти требует добавить к ним слова об авторе.

В 1950–1960-е гг. Палестинское общество, Кабинет Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, Ленин-

градская межинститутская византийская группа тесно ассоциировались в сознании друг с другом. Во главе их находилось одно и то же лицо – Нина Викторовна Пигуловская, крупный историк, филолог, знаток сирийской литературы и рукописей. Н.В. Пигуловская обладала живым умом, завидной энергией, обаянием и обеспечила себе место также и неформального, как принято говорить ныне, лидера. Она охотно брала себе учеников, была, как правило, к ним доброжелательна, проявляла заботу и за пределами академического общения. К кругу ближайших сотрудников и учеников Н.В. Пигуловской принадлежала и А.В. Пайкова.

Аза Владимировна Пайкова родилась 27 июня 1932 г. в одном из сел Ивановской области в учительской семье. По окончании средней школы поступила на Восточный факультет Ленинградского университета по арабскому отделению. То было нелегкое время и для востоковедения: богатейшие традиции отечественной науки, основанной прежде всего на совершенном знании восточных языков и текстов, оказались под угрозой. Тем не менее А.В. Пайкова окончила факультет с хорошим знанием арабского языка, а в аспирантуре Института востоковедения изучила сирийский. В дальнейшем ее научные интересы оказались связанными в первую очередь с сириологией. Под руководством Н.В. Пигуловской А.В. Пайкова прошла аспирантуру, а в 1960 г. стала сотрудникой Ленинградского отделения Института востоковедения. В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную древнесирийской версии сборника „Капила и Димна“. Ее трудам, помимо научной глубины, свойственно и особое изящество изложения. Это свойство особенно бросалось в глаза в устных докладах.

К великому сожалению, слабое здоровье и безвременная смерть воспрепятствовали раскрытию творческого дарования А.В. Пайковой, в наиболее полной мере проявившегося в этой последней ее работе.

ВВЕДЕНИЕ

Сирийская литература – это сочинения, написанные на сирийском литературном языке, который возник на основе центрального арамейского наречия семитской языковой группы. Ее создавали сирийцы-христиане, объединенные политически в первые века нашей эры в государстве Осроэна, со столицей в Эдессе. Служившие здесь на эплинистических основах словесность и культура в дальнейшем распространились и на другие районы с сирийским населением, а благодаря широкой торговой и миссионерской деятельности сирийцев – в Среднюю Азию, Индию и Китай.¹

Важной особенностью сирийской культуры, определившей во многом пути и интенсивность ее распространения, было то, что она в период своего наивысшего расцвета стала неотъемлемой частью культурного круга, называемого восточнохристианским или византийским. Каждый из народов (греки, сирийцы, копты, армяне, грузины, эфиопы, а позднее и славяне), объединенный данной общностью, внес свой особый, неповторимый вклад в эту культуру, многие аспекты которой сделались единными для всех них. Началом, соединившим разные народы и культуры, явилась христианская религия.

Сирийцы сыграли весьма активную роль в формировании христианской культуры, в том числе и словесности. Этому способствовало то обстоятельство, что они первенствовали в христианизации. Уже в конце II в. н.э., еще до того как к христианству начали относиться терпимо в Римской империи, новая религия была провозглашена государственной в Эдессе – сирийском городе, где правили цари династии Авгаров.

Христианская литература отличалась от прежних литератур рядом новых и своеобразных жанров, быстро освоенных различными языками: это гимнография, агиография, патристика. Внутри жанров появились сочинения, ставшие достоянием различных языков благодаря переводам и переработкам. Все сказанное относится к наиболее распространенному средневековому виду литературы – агиографии, которая включала в себя мартрии – „мученичества“, описания гонений и казней христиан первых веков нашей эры и жития – биографии реальных или вымышленных лиц, причисленных к лику святых. Агиография являла собой собрание очень разных по литературным особенностям и достоинствам текстов, но на протяжении многовековой истории представляла излюбленное чтение и для духовных лиц, и для светских, и для пожилых людей, и для молодых. Агиография как жанр развивалась во времени, меняя свои формы, но ей присущи и пространственные модификации, когда каждый из народов христианского мира по-своему ее интерпретировал, приспособливая к местным традициям и условиям, поэтому литературную историю агиографического жанра невозможно изучать без учета всех региональных агиографий, а историю каждого конкретного текста без привлечения всех его языковых вариантов.

Сирийская агиографическая литература бытовала в широких хронологических пределах. Уже в самой ранней из дошедших до нас сирийских рукописей – кодексе 411 г. – в числе прочих содержится и История палестинских мучеников Евсевия Кесарийского, переведенная с греческого.² Сочинение Евсевия, описанного со слов очевидцев гонения на христиан в Палестине, положило начало одному из видов агиографического жанра – мартерию. К концу IV в. на сирийском языке создаются и оригинальные мартрии, среди них особенно известны четыре:

Акты Шарбилия, Акты Барсамыи, Акты Гурии и Шамуна, Мученичество Хабиба. Первый текст³ датирован 15-м годом императора Траяна, 3-м годом царствования эдесского владыки Авгара VII и 416 г. селевкидской эры, т.е. 105 г. н.э. В этот год римский император приказал принести жертвы языческим богам и предать смерти тех, кто откажется совершить жертвоприношение. Приказ императора достиг Эдессы во время праздника нисана, который должен был возглавить верховный жрец Шарбиль, но его уже тайно епископ Барсамья обратил в христианство. Обращение Шарбилия послужило примером для других знатных горожан. За отказ приносить жертвы лжебогам Шарбилия подвергают мукам⁴ и заключают в темницу. Через несколько месяцев его казнили вместе с сестрой Бабай. Мученичество Барсамыи⁴ тесно связано с предыдущим текстом, где рассказывается, как римскому наместнику Лизанию доносят о том, что виновником обращения Шарбилия был епископ Барсамья. Епископа сажают в тюрьму, где он долгое время пребывает в ожидании суда. Но когда его начинают пытать, в Эдессу приходят письма великого ипарха Алузия, которыми пресекаются гонения на христиан. Акты Гурии и Шамуна долгое время были известны лишь по-гречески и армянски, только в конце XIX в. их сирийский оригинал был обнаружен в одной из иерусалимских рукописей.⁵ В них читаем о том, как Гурию и его друга Шамуну, ревностных христиан, судили и заключили в тюрьму. Музионис, наместник Эдессы, заставил их исполнить приказ императора и принести жертвы Юпитеру. Они отказались, за что были подвергнуты пыткам и умерщвлены в 306 г. Автор Актов – Феофил – говорит о том, что составил свое повествование через пять дней после смерти Гурии и Шамуны. Мученичество Хабиба,⁶ которое также принадлежит перу Феофила, язычника по рождению, ставшего христианином, как он сам говорит о себе, излагает историю человека, обвиненного в пропаганде христианства и за это сожженного. Четыре агиографических текста, несомненно, связаны между собою и, возможно, принадлежат одному или двум авторам, из которых второй использовал повествовательную манеру и стиль первого.⁷

Большую известность приобрел сирийский агиографический сборник, приписываемый перу епископа и врача Маруты Майферкатского.⁸ В него включены жизнеописания людей различного социального происхождения – ремесленников, чиновников, царедворцев, представителей духовенства, которые подверглись преследованиям в сасанидском Иране во время „великих“ гонений на христиан во второй половине IV в. Сочинения, включенные в состав сборника, созданы в разное время, но не позднее начала V в., когда он был собран. Они делятся на три тематические группы: цикл рассказов, тем или иным способом связанных с именем Симеона бар Сабба[‘]е, сына красильщика, епископа Селевкии и Ктесифона; сочинений, сгруппированных вокруг жития Милеса, и мактирии мучеников из города Адиабена. Интересен и литературно завершен рассказ о деве Тарбо (в греческой традиции она называется Фербутой), сестре Симеона бар Сабба[‘]е.⁹ Ее схватили после казни Симеона и обвинили в том, что она колдунья и в отместку за смерть брата вызвала болезнь шахини. Суд требует для нее смертной казни за колдовство, но шах постановляет, что она должна „вознести молитвы к солнцу, и тогда она не будет наказана смертью“.¹⁰ Тарбо гордо отказывается и тем самым приговаривает себя, свою сестру и служанку к ужасной смертной казни. Мученичество завершается плачем о Тарбо и ее подругах.

Тот факт, что сирийская средневековая литература обладала рядом специфических особенностей, присущим христианским литературам, в том числе открытостью жанров, подчас размытостью их границ, способствовал тому, что отдельные сочинения типа мактириев дошли до нас не в виде отдельных текстов и не в составе агиологических сборников, а в качестве части исторического произведения. Таков цикл мученичеств, повествующих о преследовании христиан в Неджране, одном из городов Йемена, в первой половине VI в. Эти рассказы сохранились в Посланииmonoфизитского епископа Симеона Бетаршамского, в свою очередь включенном в Хронику Псевдо-Дионисия Тельмахрского, а также в Книге химьяритов,¹¹ автором которой считается Саргис, епископ Русафы, города, где происходили ежегодные ярмарки и куда съезжались вожди кочевых арабских племен. В Послании Симеона рассказывается о том, как царь Зу-Нувас, исповедовавший иудаизм, воцарившись над всей землей химьяритов, потребовал от всех

жителей-христиан обращения в иудейскую веру. Те отказались, и Зу-Нувас повел убить всех „знатных” и сжег церковь. Подробно изложена история знатной женщины Румы и ее пяти дочерей, построенная по всем канонам агиографического жанра.¹²

В Книге химьяритов есть история малолетнего мальчика, который не прельстился послами царя-гонителя, но пожелал умереть вместе со своей матерью за христианскую веру. Впоследствии Гисар, так звали ребенка, как рассказывают, стал главой патриархии и членом царского совета, но продолжал вести жизнь весьма благочестивую и смиренную.

Большое место среди сирийских агиографических текстов занимают жития – биографии сирийских писателей, ученых, политических деятелей. Интересно житие Ефрема Сирин (мар Афрема) – „пророка сирийцев”,¹³ знаменитого поэта. В нем содержатся притчи, веющие сны и их толкования, многочисленные фольклорные мотивы. Так, к числу бродячих сюжетов, вкрапленных в это сочинение, можно отнести рассказ об остроумной женщине, которую встречает Ефрем, приближаясь к городу Эдессе; рассказ о том, как тучи комаров и мошек победили огромное персидское войско с конницей и боевыми спонами, осаждавшее Нисибин и др. В Житии подробно описана вся жизнь Ефрема от рождения до погребения. Разбитое на множество самостоятельных эпизодов, оно в целом построено по известной канонической схеме, призванной показать праведный образ жизни и благочестие героя от юности до старости.

Согласно сведениям этого Жития, сам Ефрем Сирин является автором двух агиографических сочинений – жизнеописаний двух своих современников – Авраама Кидонийского и Юлиана Саба (Старца).¹⁴ Авторство Ефрема в настоящее время вызывает сомнение. Однако, несмотря на спорность атрибуции, эти памятники представляют значительный интерес для изучения агиографического жанра, выделяясь стилем и мастерски построенным сюжетом. К Житию Авраама Кидонийского мы еще вернемся.

Конфликтная ситуация, с которой начинается Житие Ефрема, когда он вынужден покинуть дом по требованию отца-язычника, имеет аналогию и в другом агиографическом памятнике – Жизнеописании Раввулы.¹⁵ Отец его, как и отец Ефрема, был языческим жрецом, а мать – христианкой. Раввупа родился в Кеннешрине, получил прекрасное образование, знал греческий язык и занимал высокую административную должность префекта. Но епископ Кеннешрина Евсевий и Акакий, епископ алеппский, обратили его в христианство. Раввупа совершил паломничество в Палестину, а по возвращении раздал свое имение, оставил семью и сделался монахом Авраамиевского монастыря. Впоследствии он стал епископом Эдессы и профессором Эдесской академии, яростным противником несторианства. Раввупа известен как писатель и переводчик. Житие Раввулы было написано вскоре после его кончины (485 г.) одним из учеников, прославившим энергичную проповедническую деятельность, строгие нравственные правила жизни своего соотечественника и современника.

Весьма интересно жизнеописание еще одного человека – католикоса Мар Абы I, который своей деятельностью как бы объединил персидскую, сирийскую и греческую культуры.¹⁶ Аба был родом перс, исповедовал зороастризм. Будучи весьма образованным человеком, он занимал важный административный пост и враждебно относился к христианству. Однако встреча на переправе с монахом-христианином, который со смирением перенес издевательства Абы и разговаривал с ним мудро и с достоинством, заставила его оставить официальную должность, обратиться к новой религии и стать ревностным ее защитником и распространителем. В поисках знаний Аба поступает в высшую сирийскую школу в Нисибине, откуда затем отправляется в долгое странствие по „ромейским землям”. Он посетил Эдессу, Антиохию, Александрию, Афины, Коринф, Константинополь – все тогдашние центры учености, – стал весьма известным авторитетным учителем, в совершенстве овладев греческим и сирийским языками. Затем он вернулся на родину и был возведен в сан католикоса в Иране. На новом поприще ему пришлось проявить свои незаурядные политические и дипломатические способности, выполняя различные государственные поручения, которые исходили от самого шаха Хосрова I. Он был вынужден постоянно бороться с зороастриским жречеством,

которое неоднократно сажало его в оковы, отправляло в изгнание и стремилось уничтожить.

Житие Мар Абы содержит массу важных сведений и уже давно по достоинству оценено историками. Литературно-художественная сторона этого памятника еще не изучена, хотя и с этой точки зрения он весьма интересен.

Не менее сложные жизненные коллизии нашли отражение в истории еще одного церковно-политического деятеля – Иоанна бар Афтония,¹⁷ представителя другого еретического движения – монофизитства. Вторая часть его прозвища – имя матери, которая, рано оставшись вдовой с пятью детьми, всех воспитала и определила на службу, а самого младшего – Иоанна устроила в монастырь св. Фомы, расположенный в устье реки Оронт. Мальчик опять работал в ксенодохии (странноприимнице), затем обучился плотницкому мастерству, впоследствии он стал настоятелем приютившего его монастыря. С именем Иоанна бар Афтония связано основание и другого монастыря – Кенишэрэ (Орлиное гнездо), знаменитого центра сирийской образованности. Монахи этой обители известны своей литературной деятельностью на греческом и сирийском языках. Так, например, Фома Гераклейский начал тут спичать с греческими рукописями сирийский перевод Нового Завета.¹⁸ В Кенишэрэ трудился и Север Себохт, видный философ, математик и астроном.¹⁹ Здесь же подвизался и разносторонний писатель и ученый-грамматист Иаков Эдесский.²⁰ Иоанн бар Афтония, как и многие его соотечественники, много путешествовал, незадолго до своей кончины побывал в Константинополе, где исполнял секретарские обязанности на соборе монофизитских и православных епископов.

Житие Иоанна было написано вскоре после его смерти одним из учеников на сирийском языке и, по мнению историков и исследователей текста, точно в фактическом отношении.

Жизнеописания деятелей монофизитства конца V и начала VI в. являются не только превосходными источниками, по которым можно судить о распространении этого еретического движения по всей Сирии, но и свидетельствуют о развитом торговско-экономическом общении между Антиохией в Сирии и Александрией в Египте.²¹

Наиболее значительные из памятников данного круга были объединены в сборник „Жизнеописания восточных святых“, который принадлежит перу Иоанна Эфесского (начало VI в.).²² Он был если не автором, то во всяком случае редактором большинства собранных текстов: рассказов об Иакове Барадее, по имени которого сирийцы-монофизиты стали именовать яковитами, Иоанне Теллском, Севере, Феодосии, Сергии и др. Авторская самостоятельность Иоанна Эфесского проявляется в том, что он не следует традиционной агиографической схеме, согласно которой должно описывать жизнь с момента рождения и до смерти. Он выбирает кульминационные, яркие моменты в жизни своих героев и пишет именно о них. Так, повествуя о Иакове Барадее, Иоанн начинает с момента его прибытия в Константинополь. Этот период знаменателен тем, что Иаков Барадей добился для себя права рукополагать монофизитских епископов, тем самым яковитская церковь получила самостоятельность. Иоанн Эфесский сообщает имена многочисленных епископов, посвященных в сан Иаковом. Однако наряду с таким отрывочным жизнеописанием Иакова сохранился и пространный текст, где повествование начинается с рождения основателя яковитской церкви, идет до его смерти и оканчивается авантюрной историей о том, как его мощи хитростью были похищены из монастыря св. Романа в Египте, на границе с Палестиной, и перенесены в Фезильтский монастырь около города Телла-де-Маузепат.²³

Жизнеописания Иоанна Эфесского тесно примыкают к тому типу агиографических сборников, которые получили условное название „патериков“. С литературной точки зрения, это своеобразные антологии, в которых представлены и развернутое повествование о жизни известных деятелей христианского монашества, и краткий рассказ, и изречения.

Сирийская литература обладает несколькими известными сборниками типа патериков, дошедшими до нас.²⁴ Это труд несторианского писателя VII–VIII в. Ананио „Рай отцов“, который представляет собой обработанный перевод нескольких греческих патериков.²⁵ Оригинальной антологией является сочинение писателя

IX в. Фомы Маргского „Книга начальников”.²⁶ Она посвящена подвижникам монастыря Бет Абэ, которые впоследствии занимали высокое иерархическое положение в несторианской церкви. Фома пользовался при написании своего труда как устными рассказами старых монахов, современников и друзей тех, о которых он рассказывал, так и письменными источниками.

Важно отметить, что, хотя сирийцы были знакомы и в оригиналах, и в переводах с греческими патериками, они выработали свои литературные особенности этого вида словесности, отличительной чертой которой являлись строгая фактографичность и документальность изложения.

Обзор сирийской агиографической литературы будет не полон, если не сказать о том, что в нее включилось много житийных текстов, переведенных в разное время переводчиками, большей частью оставшимися безвестными. К числу несомненных переводов с греческого относятся Жития Мариньи,²⁷ Марии Египетской,²⁸ Хиларии, дочери императора Зенона.²⁹ На сирийском языке есть несколько версий Жития Василия Великого: одна, приписываемая его другу Амфилохию Иконийскому; другая – составленная преемником Василия – Гелладием. Известно также Житие Григория Назиакзина, написанное Григорием Кесарийским.³⁰ В сирийских рукописях имеются переводы двух или трех житий из сборника „Филофей”, составленного Феодоритом Киррским. Возможно, что к числу их относится и Жизнеописание Иакова Нисибийского.³¹ Интересна легенда о Пелагии, антиохийской циркачке, обращенной в христианство Иоанном. Она, вероятно, представляет собой перевод-переработку греческой версии текста.³²

Многие агиографические памятники, написанные по-гречески, насыщены сирийским колоритом. Действие в них происходит в сирийских пределах, со страниц таких житий часто звучит сирийская речь. Так, из широко известной легенды о Симеоне Юродивом и его друге Иоанне³³ мы узнаем, что, несмотря на то что они были сыновьями богатых родителей и изучали греческий язык и словесность, между собой они говорили по-сирийски. В этом же житии по-сирийски говорит и протокомит Эмессы, города, расположенного на пути из Дамаска в Антиохию, и крестьянин из окрестностей этого города, и фрускайр – хозяин трактирчика, у которого служил Симеон. Интересный эпизод есть в житии Илариона Великого, когда святой заговорил с демоном, вселившимся в некоего человека, то демон ответил ему по-сирийски.

Сирийская агиографическая литература, как, впрочем, и вся сирийская словесность, попала в поле пристального исследовательского внимания сравнительно поздно. Интерес к памятникам сирийской литературы вспыхнул в середине XIX в., когда в 1838–1864 гг. в Британский музей из Скитской пустыни в Египте поступило более 500 сирийских рукописей. С этого времени стали публиковаться открытые в рукописях тексты, в том числе и агиографические. Однако и сегодня мы знаем весьма приблизительно о том, сколько обширна сирийская житийная литература. Еще до сих пор отсутствует не только корпус, но и перечень всех агиографических текстов, а многие из них, как оригинальные, так и переводные, остаются ненапечатанными.³⁴ Между тем сирийская рукописная традиция дает нам превосходные образцы агиографических антологий в кодексах, интересных как своим составом, так и текстами, их наполняющими. Таков сборник VI в., происходящий из монастыря Скитской пустыни и ныне хранящийся в ГПБ имени М.Е. Салтыкова-Щедрина.³⁵ Он несет на себе следы последовательной правки писца-историанина.

Внимания заслуживает агиологический сборник, датированный 1197 г. и переписанный в монастыре Бар Саумы около Мелитены для библиотеки этого монастыря.³⁶ Он представляет собой толстый фолиант из 452 л., содержащий 78 различных агиографических текстов. Сборник открывается Житием Бар Саумы, написанным его учеником Самуилом. Имя Бар Саумы – основателя сирийского монаофизитства, монаха и аскета – пользовалось большой популярностью у армян и эфиопов. Сохранилась эфиопская версия его истории, которая опубликована,³⁷ сирийский же текст полностью не был напечатан. С этим памятником в сборнике соседствует Житие знаменитого Симеона Стилита (Столпника), оба текста близки по стилю и, возможно, принадлежат одному автору. Здесь же имеется Жизнеописание Петра Ивера (Грузина), епископа Газы и Маюма. Этот в высшей степени интерес-

ный и важный в историческом отношении памятник является переводом с греческого, однако есть предположение, что на сирийском существовали и самостоятельные редакции жития, ныне утраченные.³⁸ Далее следует Житие Мар Асси (Врача). Столь необычное имя герой получил потому, что отец его услышал глас небесный, повелевавший именно так назвать мальчика, которому суждено было стать известным врачом и совершить множество исцелений. В сборнике много агиографических сочинений, переведенных с греческого: Жития Симеона и Иоанна, брата его, Василия Кесарийского, Григория Назианзина, тексты из „Лавсаика“ Папладия, мученичества сиро-персидского цикла из сборника Марути Майферкатского; много оригинальных сирийских текстов – история купца из деревни Паддана около Харрана, отправившегося по торговым делам в Константинополь, жития Ханиана, Иоанна Теллского и др.

Исследования памятников сирийской агиографической литературы, открытых и напечатанных в конце XIX-начале XX в., носили сперва в основном источниковедческий характер: разбирались проблемы авторства, последовательности различных редакций, устанавливалась датировка сочинений. Позднее проверке и критике стали подвергаться почерпнутые из агиографических сочинений исторические данные. Однако по-настоящему важность сирийских житийных текстов как исторического источника была продемонстрирована в книгах Н.В. Пигулевской. Она следовала в этом уже сложившейся отечественной традиции, нашедшей свое воплощение в трудах В.О. Ключевского,³⁹ Х.М. Лопарева,⁴⁰ А.П. Рудакова.⁴¹ В своих широко известных монографиях 50-60-х гг. – „Византия на путях в Индию“, „Города Ирана в раннем средневековье“, „Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв.“ – Н.В. Пигулевская использовала сирийскую агиографию как кладезь незаменимых сведений по истории регионов Ближнего Востока, арабских племен, великих держав Византии и Ирана. Ей же принадлежит заслуга по извлечению из памятников сирийской агиографии данных, необходимых для воссоздания истории сирийской культуры. Основываясь на житийных текстах, Н.В. Пигулевская в книге „Культура сирийцев в средние века“ дала яркие характеристики деятелям сирийской науки и образованности. Из этих же памятников она почерпнула сведения по истории сирийских школ и академий, данные о развитии различных ремесел и торговли. Из исторических работ, базирующихся на агиографическом сирийском материале, можно отметить также блестящую книгу немецкого ученого Г. Виснера, который на основании мученичества сиро-персидского цикла, включенных в сборник Марути Майферкатского (см. выше), реконструировал во всех деталях ход судебного процесса над христианами.⁴²

Многочисленные публикации сирийских житийных памятников, появившиеся в конце XIX-начале XX в., привлекли к себе внимание прежде всего как исторические источники. Не возникло сразу потребности изучить их как произведения литературного творчества, оценить по достоинству вклад сирийской литературы в формирование агиографического жанра. К тому же сложилось предвзятое мнение, согласно которому сирийские тексты в большинстве своем рассматривались как вторичные по отношению к греческим и латинским и тем самым не считались заслуживающими равного им исследовательского внимания. Наиболее значительные труды по агиографии начала XX в., принадлежащие перу французского ученого И. Депеэ – „Агиографические легенды“ – книга, посвященная литературной стороне предмета,⁴³ – и „Происхождение культа мучеников“,⁴⁴ написаны с минимальным использованием сирийского материала. Впервые на агиографические сочинения, связанные с Сирией, обратил особое внимание Х.М. Лопарев, который отвел им специальную главу своего исследования.⁴⁵ Но предметом его изучения стали тексты, зафиксированные на греческом языке и органично вошедшие в византийскую литературу, хотя он и предполагал для некоторых из них оригинал на восточных языках, в частности арабском. Говоря о сиро-палестинском приурочении, Х.М. Лопарев имел в виду прежде всего географический колорит памятников, действие которых происходило в этих областях.

Однако почин русского исследователя нашел продолжение в трудах ученого-болландиста П. Пеетерса. Составление справочного пособия по восточной агиографии, предпринятое им, дало возможность получить представление о известном к тому времени фонде житийных текстов, сохранившихся на языках народов восточ-

нохристианского круга.⁴⁶ Этому же автору принадлежит ряд статей на темы, связанные с восточной агиографией, которые частично объединены в книге, опубликованной посмертно.⁴⁷ П. Пеетерс стремился показать, что многие житийные памятники, известные на греческом языке и включенные в византийские минеи, имеют восточное происхождение: первоначально созданы на коптском, арабском, армянском, грузинском. К числу оригинальных сирийских житийных сочинений, ставших благодаря переводу на греческий известными византийской литературе, П. Пеетерс относит *Мученичества Гурии, Шамуны и Хабиба, Акты Барсамы и Шарбия, Акты персидских мучеников*. Он полагал достаточно вероятным и то, что такие популярные тексты, как *Житие семи спящих отроков* и *Житие Алексия, Человека Божьего*, тоже восходят к сирийским оригиналам. П. Пеетерс дал детальное описание тех условий и предпосылок, которые помогли памятникам сирийской агиографии проникнуть в византийскую среду. Столь значительный сирийский слой в агиографии мог сложиться потому, что сирийцы, вовлеченные в эпоху эллинизма в мировой историко-культурный процесс, в первые века нашей эры, особенно в период до арабского завоевания, активно занимались торгово-миссионерской деятельностью, способствуя через нее знакомству других народов с достижениями своей культуры, в том числе и в литературной области. К тому же, сирийцы, как правило, были многоязычны и, владея несколькими языками, не затруднялись в переводе текстов, а среди них и собственных агиографических сочинений на другие языки.

Традицию привлечения восточных текстов к исследованию христианской агиографии развил в настоящее время ученый-болландист М. ван Эсброк. В серии статей, опубликованных им за последние годы в журналах „*Muséon*“, „*Analecta Bollandiana*“ и других, он не только ввел в научный оборот множество ранее не известных агиографических памятников на восточных языках (сирийском, арабском, грузинском, армянском), но и выступил инициатором того, чтобы работа над каждым сочинением велась с максимальным привлечением текстов на всех языках, в которых оно сохранилось. При этом речь идет не только о текстах, для которых оригинальным языком является какой-либо из восточных, но и о переводах с греческого и латинского, поскольку восточные перепознания могут представить более древнюю традицию, искаженную впоследствии политической тенденцией.

Настоящее исследование, посвященное памятникам сирийской агиографии, исходит из того положения, что сирийская раннесредневековая литература находилась в неразрывном единстве с рядом восточнохристианских литератур, в которых постепенно сложились одинаковый репертуар, единая система жанров и художественных средств, общие композиционные приемы. Это единство усугубляется еще и тем, что многие одинаковые тексты благодаря переводам на различные языки наличествовали во всех литературах. Другими словами, для периода становления восточнохристианской культуры можно говорить о единой литературе в различных языковых вариантах. Немаловажно определить или хотя бы наметить, какую роль играла в формировании такого единства каждая из его составных частей. При этом следует иметь в виду, что речь идет не о простом количественном соотношении, а об определенных закономерностях, которые могут быть выявлены на примере нескольких текстов, если последние представляют собой этап в развитии литературы народа.

Роль культуры сирийцев средневековья в самых разных ее аспектах постоянно освещала в своих многочисленных исследованиях, основанных на обширном и разнообразном материале, Н.В. Пигулевская. Необходимость выявить сущность этого влияния, какое оказала на византийское общество восточная, в частности сирийская и иранская, культура, неоднократно подчеркивалась в книге С.С. Аверинцева „*Поэтика ранневизантийской литературы*“ (М., 1977). Таким образом, обращение к памятникам сирийской агиографии и рассмотрение их в связи с византийскими агиографами продиктовано не только специальностью автора, но и неотложной научной потребностью настоящего времени.

Предлагаемая работа основывается на нескольких агиографических памятниках: на *Мученичествах Гурии, Шамуны и Хабиба*, почитаемых эдесских святых, тесно примыкающей к этим текстам *Легенде о Софии* и дочери ее Евфимии, широко распространенных в средневековом мире *Житии семи спящих отроков Эфесских* и *Житии Человека Божьего*.⁴⁸

Наш выбор не случаен, он продиктован несколькими обстоятельствами. Во-первых, каждое из этих сочинений представляет собой наиболее значительный и интересный образец того, чего достигла сирийская литература в развитии агиографии как жанра, каждый избранный нами текст – своеобразная веха на пути такого развития. Во-вторых, о трех памятниках – Легенде о Софии и дочери ее Евфимии, Легенде о семи спящих и Житии Человека Божьего, – привлеченных нами к исследованию, до сих пор велись споры, касающиеся их происхождения и языка оригинала. Мы попытаемся доказать, что все три текста обязаны своим происхождением и появлением в пределах византийского культурного круга сирийской литературе и первоначально были написаны на сирийском языке. Такова конечная цель нашей работы. И, в-третьих, именно эти памятники нашли горячий отклик во всех восточнохристианских литературах, к числу которых можно отнести и древнерусскую. Видимо, в разное время, но все они оказались переведенными на древнерусский язык, и изучение их истории в отечественной словесности может составить тему отдельного исследования. Все разбираемые нами сюжеты в том или ином виде получили отражение в русской культуре: это и росписи храма Илии Пророка в Ярославле, и амулеты-эмевики с изображением семи спящих отроков, и икона Третьяковской галереи, и рассказ советского писателя К. Тренева „Эдесские угодники“, в основу которого положена Легенда о Софии и дочери ее Евфимии, но особую популярность на Руси приобрело Житие Человека Божьего. Текст его стал известен русским читателям уже в XII в., об этом свидетельствуют рукопись XII в. и фреска Спас-Нередицкого собора близ Новгорода. Житие представлено во множестве вариантов и списков, а также в различных литературных обработках, в том числе драматических и стихотворных, что само по себе говорит о том, каким редким вниманием оно пользовалось у читателей.⁴⁹ Сочинение, созданное неизвестным сирийским писателем, оказало громадное воздействие на русскую литературу – от фольклора до творчества Ф.М. Достоевского.⁵⁰ Но наиболее ярким доказательством укоренения сюжета на русской почве можно считать духовные стихи, создаваемые на темы Жития, тексты которых фольклорные экспедиции записывают и по сей день.⁵¹

По ходу исследования автор счел возможным привлечь и другие произведения сирийской литературы различных жанров (Житие Авраамия Кидонийского, Хронику Иешу Стилита и т.д.). В I главе работы сделана попытка дать оценку сирийской агиографии как литературному явлению.

Все выбранные для анализа сирийские агиографические тексты дают наглядное представление об эволюции жанра от простой документальной записи фактов до развернутого повествования со сложным сюжетом и вымышленными героями. Такая эволюция тесно связана как с процессом культурно-исторического развития самой сирийской литературы, так и с развитием агиографии в других восточнохристианских словесностях.

II глава работы построена с привлечением греческих текстов, параллельных сирийским – Легенды о Софии и дочери ее Евфимии, Легенды о семи спящих отроках и Жития Алексия, Человека Божьего. Их сопоставление позволяет сделать вывод о том, что в греческих агиографических памятниках зачастую искажен ряд культурно-бытовых ситуаций, который может быть правильно дешифрован и интерпретирован исходя из сирийских сочинений. На основе раскрытия таких „темных мест“, их реставрации и возникла глава об особенностях культуры и быта сирийцев. Ее написание не могло быть осуществлено без привлечения материалов живописи, архитектуры, археологических находок.

Две первые главы вплотную подводят к решению вопроса о происхождении наших текстов, языке их оригиналов. Если персонажи тех или иных сочинений – сирийцы, а действие происходит в Эдессе (Урхе) – центре сирийской культуры, если эти сочинения тесно связаны с другими, заведомо сирийскими памятниками литературы, как это вытекает из I главы работы, то напрашивается мысль о сирийском происхождении исследуемых сочинений. Далее, если ряд эпизодов и ситуаций оказался изложенным в сирийских текстах в более осмысливших и мотивированных вариантах, чем в параллельных греческих текстах (это показано во II главе), то мысль о сирийском происхождении начинает укореняться.

Однако решение столь сложной проблемы, как генезис текстов, невозможно без сравнительно-филологического изучения их языка. Такой анализ осуществляется в III главе работы. Мы постарались использовать при этом весь арсенал средств, разработанных отечественной филологией;⁵² анализ библейских цитат, имен собственных, заимствований, лексических и синтаксических калек. При этом часто приходилось оперировать теми же отрывками текстов, которые уже разбирались в главе II и были связаны с неадекватной передачей ситуации. Однако теперь они рассматривались под иным углом зрения.

В заключительном разделе книги анализируются основные аспекты редакторской деятельности средневековых книжников при работе над агиографическими памятниками. Материал для этого раздела также сложился в результате сопоставления сирийских и греческих житийных сочинений. В приложении представлены в переводах сирийские тексты, использованные в книге: Легенды о Софии и дочери ее Евфимии, Житие Человека Божьего, текст и перевод чина венчания из несторианской рукописи нашего собрания. В качестве отдельного экскурса, непосредственно связанного с содержанием книги, в приложении помещено описание фресок, находящихся в одном из приделов храма Илии Пророка в Ярославле. Фрески дают прекрасный иллюстративный материал к Легенде о Софии и дочери ее Евфимии. Ранее они не описывались и нигде не изданы.

П р и м е ч а н и я

¹П и г у л е в с к а я Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.

²W r i g h t W. Catalogue of the syriac manuscripts in the British Museum, acquired since the year 1838. London, 1871. Part II. P. 631–633.

³C u r e t o n W. Ancient syriac documents ... London; Edinburgh, 1864. P. 41–62.

⁴Ibid. P. 63–72.

⁵R a h m a n i E.I. Acta sanctorum confessorum Guriae et Shamoneae exarata syr. lingua a Theophilo Edesseno a. Chr. 297. Romae, 1899. Форма имени с окончанием женского рода (ср. русск. Гурий) отражает его сирийское написания *qwry'*. Огласовка же восстанавливается из греческого написания *Gouρία*.

⁶C u r e t o n W. Ancient syriac documents... P. 72–85.

⁷D u v a l R. La littérature syriaque. 3-ème éd. Paris, 1907. P. 117.

⁸Т е р-П е т р о с я н Л.А. 1) Сборник Маруты Майферкатского как историко-литературный памятник: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 26 с.; 2) „Восточные мученики” Авраама Исповедника. Ереван, 1976. 204 с. На арм.яз.

⁹П и г у л е в с к а я Н.В. Сирийский текст и греческий перевод Мартирия Тарбо // Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 222–227.

¹⁰Там же. С. 224–225.

¹¹M o b e r g A. The Book of the Himyarites. Lund: Leipzig, 1924.

¹²Русский перевод см.: П и г у л е в с к а я Н.В. Хроника Псевдо-Дионисия Тельмахрского // Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 119–128.

¹³Acta martyrum et sanctorum / Ed. P. Bedjan. Parisiis; Lipsiae, 1892. T. 3. P. 621–665.

¹⁴L a m y Th. Acta Beati Abrahae Kidunaiae Monachi Aramaice // Analecta Bollandiana. Paris; Bruxelles, 1891. T. 10, fasc. 1. P. 5–49; Acta martyrum et sanctorum. Parisiis; Lipsiae, 1896. T. 6. P. 380–401, 465 499.

¹⁵O v e r b e c k J.J. S. Ephraemi Syri, Rabulae episcopi Edesseni, Balaei aliorumque opera selecta. Oxonii, 1865. P. 159–209.

- 16 Bedjan P. *Histoire de Mar'Jabalaha, de trois autres Patriarches...* Paris: Leipzig, 1895. P. 206–287; Пигулевская Н.В. *Мар Аба I: К истории культуры VI в. н.э.* // Сов. востоковедение, 1947. V. С. 73–84.
- 17 Nau F. *Histoire de Jean bar Aphtonie* // *Revue de l'Orient Chrétien*. Paris, 1902. Vol. 7. P. 97–135.
- 18 Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. С. 227.
- 19 Там же. С. 182–183.
- 20 Там же. С. 110–111.
- 21 Duval R. *La littérature syriaque*. P. 150.
- 22 Brooks E.W. *Lives of the eastern saints* // *Patrologia Orientalis*. Paris, 1923–1925. T. 17, fasc. 1; t. 18, fasc. 4; t. 19, fasc. 2.
- 23 Kugener M.A. *Comment le corps de Jacques Baradée fut enlevé du Couvent de Casion* // *Bibliothèque Hagiographique Orientale*. Paris, 1902. N 3. 38 p.
- 24 Подробнее см.: Мещерская Е.Н. Патерики в сирийской письменности. // Палест. сб. 1987. Вып. 29(92). С. 22–27.
- 25 Budgell E.A.W. *The Book of Paradise being the histories and sayings of the monks and ascetics of egyptian desert*. London, 1904. Vol. I–II.
- 26 Budgell E.A.W. *The Book of Governors*. London, 1893. Vol. I–II.
- 27 *Acta martyrum et sanctorum*. 1890. T. 1. P. 366–371.
- 28 Ibid. 1895. T. 5. P. 342–385.
- 29 Wensinck A.J. *Legends of eastern saints, chiefly from syriac sources*. Leyden, 1913. Vol. 2.
- 30 Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы / Под ред. и с доп. П.К. Коковцова. СПб., 1902. С. 226.
- 31 Там же. С. 28, сн. 2.
- 32 *Acta S. Pelagiae syriace* / Ed. Gildemeister I. Bonnae, 1879. 27 p.; Duval R. *La littérature syriaque*. P. 149–150.
- 33 Полякова С.В. Византийские легенды. Л., 1972. С. 53–83.
- 34 Baumstark A. *Geschichte der syrischen Literatur*. Bonn, 1922. S. 93–95, 264–266; Ortiz de Urbina I. *Patrologia syriaca*. Romae, 1958. P. 188–189.
- 35 Пигулевская Н.В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда // Палест. сб. 1960. Вып. 6(69). С. 140–143.
- 36 Wright W. Catalogue ... 1872. T. III. P. 1123–1139. (Add. 12, 174).
- 37 Grébaut S. *Vie de Barsoma, le syrien* // *Revue de l'Orient Chrétien*. Paris, 1908–1909. T. 3–4 (13–14). P. 135–142, 264–275, 401–416.
- 38 Райт В. Краткий очерк ... С. 70.
- 39 Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 465, VII с.
- 40 Лопарев Х.М. 1) Агиография VIII–IX веков как источник византийской истории // Изв. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1915. С. 167–176; 2) Греческие жития святых VIII и IX веков // Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пр., 1914. Ч. I.
- 42 Wiessner G. *Zur Martyrüberlieferung aus dem Christenverfolgung Shapurs II*. Göttingen. 1967.
- 48 Delahaye H. *Les légendes hagiographiques*. 2 éd. Bruxelles, 1906.
- 44 Delahaye H. *Les origines du culte des martyrs*. Bruxelles, 1912.

- 45 Л о п а р е в Х.М. Жития византийских святых VIII–IX вв. // Визант. временник. Пг., 1915. Т. 19. С. 1–64.
- 46 P e e t e r s P. Bibliotheeca hagiographica orientalis. Bruxelles, 1910.
- 47 P e e t e r s P. Orient et Byzance: Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950.
- 48 Сирийские тексты изданы: R a h m a n i I.E. Acta sanctorum confessorum Guriae et Shamonaë ...; N a u F. Hagiographie syriaque // Revue de l'Orient Chrétien. Paris, 1910. Т. 5(15). Р. 66–72, 173–181; G u i d i I. Testi orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso. Roma, 1885. Р. 18–29, 35–44; A m i a u d A. La légende syriaque de Saint Alexis, l'Homme de Dieu. Paris, 1889.
- 49 А д р и а н о в а В.П. Житие Алексея, человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 69–126, 145–225.
- 50 В е т п о в с к а я В.Е. Литературные и фольклорные источники „Братьев Карамазовых“ (Житие Алексия, человека божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели: Традиции, новаторство, мастерство. М., 1971. С. 325–354.
- 51 А д р и а н о в а В.П. Житие Алексея ... С. 226–436.
- 52 Методика изучения памятников переводной литературы хорошо представлена в трудах специалистов по древнерусской литературе: Л и х а ч е в Д.С. Текстология. М., 1983. С. 404–432; М е щ е р с к и й Н.А. 1) О синтаксисе древних славяно-русских произведений // Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 83–104; 2) Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора	3
Введение	5
Глава I. Эволюция агиографического жанра в сирийской литературе	16
Глава I. Некоторые черты культуры и быта в памятниках сирийской агиографии	35
Отражение свадебного обряда	36
Обряд расстановки чинов	46
Архитектурные мотивы	49
Экономические товарищества и епископский суд	53
Глава III. Сирийские источники традиционной агиографии	66
Заключение	92
Приложение № 1. Переводы сирийских агиографических текстов	95
Приложение № 2. Сирийские агиографы и фрески церкви Ильи Пророка в Ярославле	119
Приложение № 3. Фрагмент сирийской рукописи „Несторианского чина венчания“	122
Указатель имен	129
Указатель географических названий	133
Хроника	135

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Вып. 30 (93)

Аза Владимировна Пайкова

Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии

Утверждено к печати
Российским палестинским обществом
при Академии наук СССР

Оригинал-макет для печати подготовлен
Российским палестинским обществом при АН СССР

Редактор издательства Р.К. Паэгле
Технический редактор В.В. Шиханова

ИБ № 33348

Подписано к печати 19.10.89. Формат 70x108 1/16. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-от.
12,87. Уч.-изд. л. 13,84. Тираж 1250. Тип. зак. № 2109.
Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Наука”.
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства „Наука”.
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12.